«Четыре жизни» Василия Ивановича Чапаева (об одном мифотворческом феномене Гражданской войны в России 1917–1923 гг).

The „Four Lives“ of Vasily Ivanovich Chapayev (about one Myth-making Phenomenon of the Russian Civil War 1917–1923)

НЕНАД БЛАГОЈЕВИЋ ▸ *blagojevic.nenad@gmail.com*

SLAVICA TERGESTINA
European Slavic Studies Journal

ISSN 1592-0291 (print) & 2283-5482 (online)

VOLUME 20 (2018/I), pp. 196–212
DOI 10.13137/2283-5482/22388

В работе анализируются процессы преобразования идентичности в межвоенное время в Советской России на примере мифологизации образа Василия Ивановича Чапаева, командира дивизии в Гражданской войне 1917–1923 гг. В начале рассматриваются основные этапы биографии Чапаева как реальной исторической личности, а также различные оценки его деятельности в трудах ведущих историков Гражданской войны в России. Основная часть работы посвящена проблеме мифотворчества и мифологизации личности Чапаева, с помощью чего сторонники новой власти в Советской России пытались создать своеобразный противовес образу офицера как символу имперской власти. В статье прослеживается процесс отрыва образа Чапаева от контекста политической идеологии и его трансформации в практически фольклорный анекдотичный персонаж как свидетельство профанации коммунистической идеологии. В конце анализируется литературно-художественный образ Чапаева, связанный со всеми перечисленными мифологическими образами, но одновременно отличающийся от них.

василий иванович чапаев, пропаганда, миф, неомифологизация, фильм

This paper analyzes the process of identity transformation of the interwar period in Soviet Russia on the example of mythologization of Vasily Ivanovich Chapaev, division commander in the Russian Civil War of 1917–1923. In the beginning of the work main stages of Chapaev's biography as a real historical figure are considered, as well as various assessments of his activity in the works of leading historians of Civil War in Russia. The main segment of this paper is devoted to the problem of myth creation and mythologization of Chapaev's personality, with the help of which supporters of the new government in Soviet Russia tried to create a kind of counterbalance to the figure of officer as a symbol of earlier imperial power. The article also traces the process of separation of Chapaev's figure from the context of political ideology, and its transformation into a practically folklore anecdotical hero as evidence of the profanation of communist ideology. In the conclusion of the article an artistic and literary figure of Chapaev, related to all above mentioned mythological figures, but simultaneously different from them, is analyzed.

vasily ivanovich chapaev, propaganda, myth, neomythologization, film

Исторические процессы в XX веке, особенно в его последние десятилетия, и в начале XXI века выявили одну характерную черту развития событий – ведущую роль идентичности в судьбе каждого общества. На сегодняшний день мы сталкиваемся с крайне изощренными способами управления процессом преобразования идентичности, результаты которых можно наблюдать во многих горячих точках современного мира. Это не только действие массовой пропаганды, роль СМИ, утонченная техника политтехнологов – это в первую очередь работа с общественной памятью и коллективным бессознательным общества, с тем, что напрямую связано с системой ценностей данной культуры. Общеизвестно, что человек при принятии решений и осуществлении того или иного выбора опирается на систему ценностей, отражающую его картину мира. Основу этой системы образуют традиции, коллективные представления, поверья и мифы. Мифологическое мышление как зачаток более поздних эмпирических знаний в основном характерно для обществ с низким уровнем развития, но в современном мире оно приобретает новое качество. Это качество в первую очередь связано с тем, что посредством мифологического мышления человек может стать «объектом манипуляции других людей, партий, социальных групп» (Зорий 2013). Мифологизация сознания, таким образом, становится привлекательным инструментом воздействия на широкие массы со стороны различных групп и позволяет вносить изменения в ценностную систему общества.

Миф как основная ячейка мифологического сознания на современном этапе развития человечества отвечает не за обретение знаний о природе, жизни и мире, а за социальную и эмоциональную жизнь человека. Может быть, именно поэтому А.Ф. Лосев

выдвинул тезис о том, что «всякая живая личность есть так или иначе миф» (Лосев 1990: 99). Если связать с этим утверждением популярное в постмодернизме представление о человеческой личности как результате влияния разных источников информации, то можно говорить о том, что значение мифа в таком контексте приближается к юнговскому понятию «архетип».

Другой важный аспект мифа – его символичность и аллегоричность. Изначальная познавательная сущность мифологии как раз и состоит в аллегорическом повествовании о действительности и истине. В этом плане мифология преследует те же цели, что и литература и религия, и разделяет с ними задачу образования нравственных ориентиров общества. Однако на сегодняшний день миф не может быть средством описания действительности, и поэтому он преобразуется в элемент идеологического влияния на общество. Другими словами, каждая социальная группа как носитель определенной идеологии склонна к созданию своих мифов. Данное положение лучше всего можно проследить на примере идеологических противостояний первой половины XX века, когда в результате разрушения имперской системы власти в Европе произошел идеологический взрыв разных социальных группировок.

Рассмотрим ранний этап строительства так называемой социалистической идеологии и связанного с ним мифотворчества. На примере образования мифа о комдиве Чапаеве можно проанализировать все подконтрольные и неподконтрольные факторы бытования мифа в обществе, его влияние на коллективное сознание в целом и идентичность человека в частности. Социалистическая мифология была призвана воплотить идеалы Октябрьской революции, убедить людей в оправданности тех материальных и человеческих жертв, которые народы Советского союза принесли и

должны приносить в целях окончательной победы учения марксизма-ленинизма. История Российского государства до Октябрьской революции была неудобным наследием для новой власти, так как она могла породить ностальгию, тоску по былому величию Империи, отодвигая тем самым идеалы нового времени. Поэтому не удивляет тот факт, что процесс «производства» новой истории был запущен в кратчайшие сроки, и уже в 20-е и 30-е годы появляется в печати, в кинотеатрах, в литературе, в музыке и даже в фольклоре целый ряд сюжетов о великих деятелях революции и Гражданской войны в России. После похорон В.И. Ленина начинается мода на бальзамирование, свой мавзолей получает и такая противоречивая фигура, как революционер Григорий Котовский. Помимо легендарного образа Котовского, особое место в советской литературе и истории получают и военачальники Буденный, Троцкий, Фрунзе и др. Однако легенда, образовавшаяся вокруг всех упомянутых фигур, явно расходилась с реалиями исторических событий.

Особенно заметно это на примере Василия Ивановича Чапаева, командира 25-ой дивизии РККА в период Гражданской войны в России. Как историческая личность Чапаев являлся одним из многочисленных полевых командиров Красной Армии. По оценкам историков Революции и Гражданской войны, его действия не имели решающего значения для исхода войны (Веллер, Буровский 2007: 542–543). Косвенные подтверждения этому обнаруживаются и в биографических публикациях о жизни и деятельности командира, опубликованных как во время СССР, так и позднее (Кутяков 1969, Дайнес 2010). По мнению А. Ганина, причиной тому, что реальная личность Чапаева была отодвинута на второй план и впоследствии идеализирована, была как раз его

гибель, поставившая комдива в один ряд с такими военачальниками, как М.В. Фрунзе, Н.А. Щорс и др. Все они, по словам Ганина, были в политическом отношении безопасными для новой власти именно по причине своей гибели или болезни, и поэтому представляли собой идеальный материал для мифологизации в пропагандических целях (Ганин 2014). Работу над образами этих полководцев можно назвать первопроходческой в плане преобразования нравственных и ценностных ориентиров общества путем влияния средств массовой информации. Именно поэтому миф о Чапаеве стал намного важнее реального исторического образа полководца, так как последний стал предметом интересов историков лишь пятьдесят лет спустя после своей гибели.

Сразу после гибели Василия Ивановича в борьбе с белогвардейцами 5-го сентября 1919 года начинают появляться первые легенды, связанные с мистерией его гибели, вслед за которыми публикуется книга политического комиссара 25-ой дивизии Фурманова. Окончательная канонизация образа Чапаева происходит в 1934 году в фильме братьев Васильевых «Чапаев», снятом по мотивам Фурмановой книги. Огромная популярность этого фильма как раз и знаменует переход от исторической личности к мифу. Созданный в книгах и фильме образ Чапаева представлял собой отражение идеалов коммунистической революции: выходец из простого народа, представитель социальных низов без особого образования и специальной военной подготовки оказывается сверхталантливым военачальником, способным оказать решительное сопротивление любому офицеру царской армии. Именно на контрасте с образом царского офицера и строился чапаевский миф, так как для большевистской партии самым важным было придать Гражданской войне характер классового

противостояния, несмотря на множество примеров, опровергающих такую расстановку сил.

Однако сегодня достоверно известно, что какое-то образование в местной церковно-приходской школе Василий Иванович все-таки получил (Аптекарь 2017: 12–18), а также то, что до начала Первой мировой войны у него за плечами был полугодовой опыт военного обучения в Киеве в 1908–1909 гг. (21–24). Чапаевские успехи на театре военных действий Первой мировой войны достаточно известны, тем не менее официальные биографы в первое время не упоминали о том, что кроме Георгиевского креста 2-й степени, Василий Иванович дослужился до звания фельдфебеля, самого высокого звания среди унтер-офицерских чинов. Следовательно, за время своего пребывания на западных фронтах он вполне мог получить хорошую подготовку и в царской армии.

И Фурманов, и братья Василевы отмечали, что главной целью их работ было отступление от других произведений о Гражданской войне, которые они считали излишней идеализацией ее участников, за которой теряются живые герои. Авторы стремились описать реально жившего человека, которому не чужды трусость, ругательства, грабеж, курение и пр..

Ср. из дневников Фурманова в период написания романа:

> *Увлечен... Увлечен, как никогда... Я мечусь, мечусь. Ни одну форму не могу избрать окончательно. Дать ли Чапая действительно с грехами, со всей человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, то есть хотя и яркую, но во многом кастрированную. Склоняюсь к первому. (Аптекарь 2017: 263–264)*

Из произведения С. и Г. Васильевых «Чапаев. О фильме»:

> *Не желая копировать Чапаева, не желая давать его фотографически, мы воссоздали его, потому что образ соединил в себе все типические черты, которые неотъемлемо должны были быть присущи Чапаеву... Отказавшись от узкой биографичности, мы ходом всего художественного процесса были приведены к наиболее полному воссозданию действительного облика Чапаева. (Писаревский, 1981: 104)*

Огромная популярность книги и фильма парадоксальным образом свидетельствует о том, что именно такой живой образ начальника дивизии способствовал укоренению мифа о Чапаеве. Как герой книги и кино Чапаев со всеми своими «изюминками» был намного человечнее других опоэтизированных фигур большевиков. Таким образом, можно даже предположить, что преувеличение его роли в Гражданской войне не входило в планы официальной советской власти, а, скорее всего, стало косвенным результатом деятельности режиссеров, сценографов и личных друзей и знакомых полководца. Однако советское руководство быстро оценило качество новой мифологемы, в первую очередь фильма (не без влияния лучшего знатока возможностей кинематографа того времени Сергея Эйзенштейна), и стало всячески способствовать максимальному распространению проката фильма во всех кинотеатрах страны. Выделение Чапаева из массы других военнослужащих и деятелей октябрьского переворота в первую очередь связано с обнаружением новых возможностей влияния на коллективное сознание путем кино. Немаловажную роль в этом процессе сыграл тот факт, что «Чапаев» был первым звуковым фильмом, снятым в Советском союзе. Поэтому Эйзенштейн выделял фильм братьев Васильевых как один из первых и самых

ярких примеров звуко-зрительной поэзии, пришедшей на смену визуальной. Дальнейшее укоренение чапаевского мифа в массовом сознании в основном связано с популярностью самого фильма, так что можно смело говорить, что народным героем стал не исторический Василий Иванович, а главный герой фильма братьев Васильевых. Популярность, известность и узнаваемость изображенного персонажа были настолько велики, что накануне Второй мировой войны в некоторых провинциальных районах Советского союза местные жители не могли объяснить, какую роль в истории страны имел Владимир Ильич Ленин, но зато почти все знали, кем был Василий Иванович.

В чем причины такого распространения мифа о легендарном полководце? Для ответа на этот вопрос, надо сначала обратиться к мотивам создания мифа. Мы склоняемся к мнению, что мифологизация образа Чапаева не была управляемым процессом или, во всяком случае, не входила в приоритетные задачи идеологической пропаганды советской власти. В качестве подтверждения данной мысли приведем два аргумента. Во-первых, вслед за фильмом персонаж Чапаева попал в круг фольклорного творчества, о нем стали складываться анекдоты. Эти анекдоты уже в 30-ые годы XX века стали приобретать профанирующий характер по отношению к марксистко-ленинскому учению. В них Чапаев чаще всего выступал выразителем народного мнения о некоторых аспектах функционирования социалистического строя. Укрепление такого мифа о Чапаеве не могло входить в интересы официальной власти. Во-вторых, легендарный образ полководца напрямую связан с успехом фильма, с тем, что режиссерам и сценаристам действительно удалось создать произведение искусства, которое выделилось из массы других фильмов о Революции. Даже такие превосходные в техническом

плане фильмы, как *Стачка* и *Броненосец Потемкин* Эйзенштейна, не привлекли такого внимания публики, как фильм Васильевых.

В чем же секрет этого фильма? Популярность фильма напрямую связана с тем, что зритель мог полностью отождествиться с изображаемыми персонажами. Это в первую очередь касается языка. Чапаевская речь в фильме отличается простотой. На простом народном языке главный герой общается с соратниками, врагами и гражданскими, а также выражает свое мнение о Революции, Гражданской войне, марксистско-ленинском учении и т.д. Искусно составленные сценаристами диалоги зачастую создавали ситуационную комичность, за счет чего фильм быстро разошелся на цитаты, которые запомнились на долгие годы, например, после выстрела Петьки из нагана «– Тихо, граждане! Чапай думать будет!» или «– Ранен? – Ранен, Василий Иванович. – Ну и дурак.» Именно сопереживание, юмор и возможность отождествления себя с киногероем способствовали укреплению мифа о Чапаеве в массовом сознании.

Чапаев в фильме был представлен не как официальный голос Революции, а как человек, умеющий говорить и думать на языке обычного народа. И мировоззрение Чапаева также представлено в упрощенном виде, чаще всего с акцентом на традиционные ценности и нравы русского народа, например: «– А вот, Василий Иванович, мужики сомневаются, ты за большевиков аль за коммунистов? – Я за интернационал! – Василий Иванович, а ты за второй или за третий? – Чего за второй? – Интернационал. – Ну, за тот, за который нужно. А Ленин в каком? – В Третьем, он его и создал, Третий Большевистский. – Ну и я за Третий.».

В фильме братьев Васильевых образуется оппозиция «свой – чужой». Подобно тому, как Пьер становится «своим барином» в

романе Л.Н. Толстого «Война и мир», в фильме «своими» выступают Чапаев и его ординарец Петька. «Чужими» по отношению к народу являются офицеры, каппелевцы и интеллигенция. В этом и есть причина включения фильма в разряд политической пропаганды и полной его поддержки со стороны советской власти.

Другим немаловажным фактором в распространении мифа о Чапаеве являлись повторы показа фильма. В газете «Правда» от 22 ноября 1934 года читаем: «Главное управление кинофотопромышленности сообщает нам о мерах, принятых для того, чтобы «Чапаева» посмотрела вся страна. Ленинградская фабрика массовой печати фильмов круглые сутки в три смены размножает только «Чапаева». Прошло 15 дней с тех пор, как «Чапаев» впервые появился на экране. За этот короткий срок картину смотрело свыше двух миллионов зрителей» («Мы идем смотреть «Чапаева). На просмотр фильма организованно отправлялись целые колхозы, заводы, школы и другие учреждения. В некоторых кинотеатрах «Чапаева» не снимали с ежедневного репертуара несколько лет. Только в первом году проката, 1934-ом, фильм увидело 30 миллллионов человек, а до конца года практически все население страны (Парфенов 2017). Такое присутствие фильма в советском быту 30-х годов и обеспечило Чапаеву место в коллективной памяти.

Однако побочный эффект новой «жизни» Чапаева для советского руководства, скорее всего, был неожданным. Образ кино-героя вдохновил народ на создание множества анекдотических сюжетов, в которых Чапаев выступает как своеобразный антипод официальным представлениям об идеальном советском человеке, носителе будущего коммунистического общества. Журналист Леонид Парфенов считает, что фольклорный образ Чапаева окончательно сформировался в период с 1967 по 1968 год, в связи с

шумным празднованием 50-летия Октябрьской революции (ibid.). Если принять его точку зрения, то такой датировкой можно объяснить и профанирующий характер этих анекдотов, учитывая наследие эпохи «оттепели» в советской культуре и искусстве. Однако анекдоты про Чапаева и Петьку появлялись и до, и после 60-ых годов и в основном отражали тот же характер простоватых народных героев со многими недостатками, что было целью и авторов фильма. Скорее всего, Чапаев стал народной легендой именно из-за его нравственных «недостатков», а не по причине романтичности биографии полководца.

В содержании анекдотов можно увидеть типологические особенности этих героев: так, в анекдотах с сексуальной подоплекой Чапаев выступает как аналог поручика Ржевского, героя более старых, дореволюционных анекдотов. Таким образом, в фольклоре произошла простая смена образов при сохранении типа героя и одновременно смена дореволюционной эстетики (офицер царской армии) постреволюционной (Чапаев). Однако изменение внешнего образа не повлияло на основной источник юмора этих анекдотов – смешение высокого и низкого. Чапаев в новых анекдотах приобретает все характеристики представителя социальных низов, противопоставленного всему высокому – интеллигенции, офицерству и даже «красному» начальству. Такое место Чапаева в коллективной памяти было обеспечено работой Фурманова и братьев Васильевых, но именно в анекдотах миф получил свою новую жизнь. Доказательством этого служит продолжение жизни этого мифа уже после распада Советского союза и окончательного развенчания марксистско-ленинского учения.

В связи со сказанным неудивительно, что миф о Чапаеве привлек внимание писателей-постмодернистов. В своем

произведении «Чапаев и Пустота» Виктор Пелевин использует образ как раз мифологического героя, воплощение коллективного бессознательного русского народа. Пелевинский Чапаев дается через восточное религиозное учение – тибетский буддизм, где ему присваивается роль бодхисаттвы, пробужденного существа, преодолевшего конечность бытия и вышедшего из бесконечности перерождения. Юмор такого повествования заключается в том, что фольклорный Чапаев, лишенный любых точных и достоверных данных о реальной деятельности исторической личности, теряет свою идентичность, одновременно сохраняя связь с образом самого Чапаева, что практически представляет собой суть буддистского учения: пробуждение (Нирвана) и освобождение от страдания достигается путем избавления от собственного «Я».

В общении с Петром/Петькой, главным героем Пелевинского романа, литературный Чапаев расскрывается как учитель, мудрец, расскрывающий истинный характер мира и роль отдельной человеческой личности в нем. Интересно то, что на страницах романа Чапаев сначала выступает как полная противоположность его фольклорному образу, в большей мере примыкая к высокому, чем к низкому. Такое введение персонажа обусловлено тем, что повествование в произведениях Виктора Пелевина опирается на описание процессов, происходящих в человеческом сознании – описывая пораженное шизофренией сознание пациента образцовой психиатрической клиники в Москве Петра Пустоты, писатель проводит шизоанализ не просто отдельного человеческого сознания, а коллективного бессознательного всего русского общества. Поэтому встреча главного героя с Чапаевым, происходившая в условиях сновидений Петра, превращается во встречу бессознательного со своим содержанием, т.е. мифом. Оттуда и

позиционирование Чапаева как явления, которое в дихотомии высоко–низко занимает место первого. Такое построение сюжета позволило автору эффективное окончание своего произведения, когда главный герой осознает, что Чапаев из его снов был навеян анегдотами, которые рассказывали остальные пациенты клиники. Однако, в противостоянии с реалиями жизни 90-х годов в Москве, сознание героя делает выбор в пользу своего внутреннего фиктивного мира, отказиваясь верить в жуткую действительность. Миф о Чапаеве отказывается умирать в сознании героя, он преодолевает даже самый сильный катарсис в виде лечения в психиатрической лечебнице, и таким способом остается частью идентичности не только героя пелевинского романа, но и русского общества в целом.

Сила коллективного бессознательного, сила идентичности и состояния сознания определенного общества лучше всего прослеживается на таких примерах. Без учета основных характеристик идентичности общества, вряд ли можно говорить о философии, социологии и психологии в рамках одной культуры. ❦

Литература

АПТЕКАРЬ, П.А., 2017: *Чапаев*. Москва:«Молодая гвардия».

ВЕЛЛЕР, М., БУРОВСКИЙ, А., 2007: *Гражданскаяистория безумной войны*. Москва: «АСТ».

ГАНИН, А.В., 2014: Ключевые моментыГражданской войны. Часть I. *История.рф*.[https://www.youtube.com/watch?v=dzbDsbDKvaY]

ДАЙНЕС, В.О., 2010: *Чапаев*. Москва: «Вече».

ЗОРИЙ, Н.И., 2013: Мифологическоемышление в формировании психологическойцелостности личности на современномэтапе развития общества. *Studia Humanitatis*,№ 3. Москва. [http://st-hum.ru/content/zoriy-ni-mifologicheskoe-myshlenie-v-formirovanii-psihologicheskoy-celostnosti-lichnosti-na]

КУТЯКОВ, И., 1969: *Боевой путь Чапаева*. Куйбышев.

ЛОСЕВ, А.Ф., 2011: *Диалектика мифа*.Москва: «Мысль».

ПАРФЕНОВ, Л.: Чапаев. *Намедни. Наша Эра*. [https://namednibook.ru/chapaev.html]

ПИСАРЕВСКИЙ, Д.С., 1981: *Братья Васильевы*. Москва: «Искусство».

Мы идем смотреть «Чапаева»! *Культура.РФ. Портал культурногонаследия, традиций народов России*. [https://www.culture.ru/materials/56142/-mi-idem-smotret-chapaeva]

Резиме

У раду се анализира процес трансформације идентитета у међуратном периоду у Совјетској Русији на примеру митологизације Василија Ивановича Чапајева, командира дивизије у руском Грађанском рату 1917–1923. На почетку рада разматране су главни моменти из Чапајевљеве биографије као стварне историјске личности, као и различите процене његове делатности у радовима водећих историчара грађанског рата у Русији. Главни део рада посвећен је проблему стварања митова и митологизације Чапајевљеве личности, помоћу чега су присталице нове власти у совјетској Русији покушавале да створе неку врсту противтеже фигури официра као симбола раније империјалне моћи. У раду се такође прати процес одвајања Чапајевљевог лика од контекста политичке идеологије, и његова трансформација у практично фигуру јунака фолклора и вицева, што представља доказ својеврсне профанације комунистичке идеологије. На крају рада се анализира књижевни и уметнички лик Чапајева, који је повезан са свим поменутим митолошким фигурама, али се истовремено разликује од њих. Тако је лик Чапајева почео да првенствено одржава мисли народа о рату и власти. Циљ овог рада је да открије специфичности сложеног и спонтаног процеса неомитологизације који је коришћен и још увек се користи у политичке пропагандне сврхе, али захваљујући семантичком богатству мита одржава пре поглед на свет једног друштва, него на њега пројектовану слику света.

Nenad Blagojevic

Nenad Blagojevic PhD is an Assistant Professor at the Department of Russian language and Literature at the Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia). In his studies he focuses on contemporary Russian literature, as well as Russian literary science fiction of the 20th century. He has published a number of studies regarding works of contemporary russian writer Victor Pelevin, the Strugatsky brothers science fiction, and connections between film and literature.